

ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
Ю. И. ДАНИЛИН

ВИКТОР ГЮГО
и французское революционное
движение XIX века

Серия II
№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

МОСКВА

1953 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Доктор филологических наук
Ю. И. ДАНИЛИН

ВИКТОР ГЮГО
И ФРАНЦУЗСКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ
ДВИЖЕНИЕ XIX ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1953 г.

Великий французский писатель Виктор Гюго известен всему миру как художник-трибун, как страстный борец против социального зла, как неутомимый полемист, чутко отзывавшийся на все события общественной и политической жизни своего времени.

Международный лагерь мира по призыву Всемирного Совета Мира отметил в феврале 1952 года 150-летие со дня рождения великого французского писателя, чьи художественные произведения и пламенные публицистические выступления и сегодня не утратили своей боевой актуальности.

Виктор Гюго прожил долгую жизнь. Он родился в 1802 году, умер в 1885 году. Поэт находился в самой гуще исторических событий, которыми так изобиловал XIX век; он был современником нескольких революций, что оказало действительное влияние на эволюцию его творчества.

Характерно, что огромный талант Виктора Гюго раскрывался во всю ширь лишь тогда, когда поэт испытывал благотворное влияние со стороны народного лагеря, революционного движения. Когда этого контакта не было, когда он ослабевал или обрывался, в творчестве Гюго начинали брать верх слабые стороны. Но всякий раз, когда этот контакт восстанавливался, Гюго создавал свои значительнейшие, благороднейшие, неумирающие произведения, справедливо заслужившие всемирную славу.

* * *

В начале своего литературного творчества Виктор Гюго оказался под губительным влиянием среды, чуждой и враждебной народу. Мы говорим о первом сборнике стихотворений Гюго «Оды» (1822), где юноша-поэт, подпавший в начальные годы Реставрации под влияние дворянско-клерикальной идеологии и реакционного романтизма Шатобриана, стал славить возродившуюся легитимную (то есть «законную») монархию, воспевать рождения и крестины принцев королевского дома. Поэзия «Од» была искусственной, мергворожденной. Лишь обращение к тому общественному лагерю, который служил идеям прогресса, могло спасти поэта, насытить его творчество истинно животворными соками.

Монархи-крепостники тогдашней Европы в целях борьбы с революционным движением объединились в Священный союз. Однако подавить революционное, национально-освободительное движение Священный союз был бессилён: оно вспыхивало то в Греции, то в Испании, то в движении итальянских карбонариев, то в заговорах против Реставрации. В конце 1825 года гулким эхом прокатилась по Европе весть о восстании декабристов в России.

К середине 20-х годов во Франции резко обострились настроения общественного протеста, широкого народного недовольства Реставрацией. Тайные общества, карбонарские и республиканские организации, рост оппозиционной печати, едкие памфлеты Поля-Луи Курье, сатирические песни Беранже — все говорило о наступательной активности революционного лагеря. Могучее дыхание его борьбы доносилось до Виктора Гюго. Легитимная монархия все более казалась ему царством «не живых существ, а призраков», старых филинов, плесени, смерти. Родина, жизнь, искусство властно звали поэта к себе.

Не сразу, не легко, исподволь происходил перелом в сознании Гюго. Образ Мариуса из «Отверженных» в данном случае автобиографичен. «До тех пор,— пишет Гюго о Мариусе,— Республика, Империя были для него не более как отвратительными словами. Республика — гильотиной, встающей из полутьмы, Империя — саблею в ночи». Но начав читать газеты революции и империи, Мариус, ожидавший «найти лишь хаос и мрак», «увидел за Революцией великий образ народа, а за Империей — великий образ Франции». Так и Виктору Гюго постепенно открывалась правда минувшего периода французской истории. Следствием этого был разрыв поэта с реакционным романтизмом. Монархическая критика начинает кричать об «отступничестве» Виктора Гюго, и это обвинение сопровождало поэта всю его последующую жизнь. В поэте пробуждается интерес к революционным эпохам истории, и он пишет драму «Кромвель» (1827), предисловие к которой представляет собой манифест демократического, прогрессивного романтизма тех лет.

Перейдя в лагерь демократической оппозиции, Гюго получил возможность в атмосфере назревавшей Июльской революции произвести со всем размахом и решительностью коренную ломку в искусстве. Связь прогресса в литературе с общественным прогрессом была поэту уже ясна: романтическую реформу он считал лишь запоздалым откликом искусства на революцию XVIII века. «Литературная свобода есть дочь свободы политической,— писал он в предисловии к «Эрнани». — Это принцип нашего столетия, и он восторгается... Мы уже вышли из старой социальной формы; как же не выйти нам и из старой поэтической формы?».

Возглавив когорту молодых романтиков-демократов, Гюго

резко порвал с эстетикой классицистов, с предписаниями их теоретика Буало, высмеял обещавшие правила трех единств и другие сковывавшие художника нормы эстетики классицизма. Гюго провозгласил принцип творческой свободы художника, обогатил французское стихосложение, введя в обиход множество новых размеров, свободную смысловую цезуру, богатую рифму, а главное — сломал узкие границы традиционного, салонно-аристократического, бесцветного и бескровного литературного языка, призывая писателей использовать все богатство национального языкового фонда, черпать из живописного, колоритного народного словаря. И образ революции XVIII века, как вдохновительницы в борьбе за демократическую литературную реформу, все время витал перед взором поэта:

Я взял Бастилию, где рифмы погибали,
Я сделал более,— я кандалы разбил,
Что тяготили речь; я вызвал из могил
Давно казненных слов бесчисленные тени...

Над батальонами александрийских стоп
Вихрь революции я засвистать заставил!
Колпак фригийский я надел на своды правил.
Нет слов-патрициев и нет плебеев-слов!

И я провозгласил, что все слова равны,
Свободны, радостны...

(Перевод Г. Шенгели)

В период борьбы за утверждение принципов демократического романтизма в творчестве Гюго усиливается социальная критика. Поэт резко развенчивает теперь своих прежних кумиров — абсолютизм, дворянскую знать, князей церкви. В драме «Марион Делорм» (1829), сюжет которой взят из истории XVII века, он создал иносказательный, но весьма резкий памфлет на Реставрацию — на ничтожного, выжившего из ума короля Карла X, на всевластных министров-клерикалов, подчинивших себе волю короля, на всю атмосферу вездесущего полицейского сыска, столь характерную для 20-х годов, на пустейшее, вырождающееся дворянство. Неудивительно, что драма была правительством запрещена.

Став писателем демократического лагеря, Гюго понял, сколько крови было пролито Реставрацией. Массовый белый террор, казнь маршала Нея, казнь четырех сержантов крепости Ла Рошель, многочисленные другие казни убеждали поэта, что человеческая жизнь ничего не стоила в глазах королевской власти периода Реставрации, как и раньше в глазах всех королей, феодалов, рабовладельцев. Но в глазах демократии человеческая жизнь, особенно жизнь рядового, простого человека, была драгоценна. Как протест против бесчеловечия режима Реставрации и родилась повесть Гюго «Последний день осужденного» (1829).

Социальный облик центрального персонажа этой повести еще неясен. Гюго вдохновенно ратовал за милосердие ко всякому осужденному человеку, за прощение его вины, за спасение его от смертной казни.

Повесть эта впервые принесла имени автора европейскую известность. «Гюго никогда не был осужден на смертную казнь, но какая ужасная, раздирающая истина в его «Последнем дне осужденного!»¹ — восклицал Белинский. Той же правдивостью, поднимавшей Гюго над его нередкой сентиментальностью и романтическими условностями, говорившей о проникновении в его творчество реалистических влияний, отмечены и другие замечательные, каждому из нас известные с детских лет произведения, где Гюго с такой могучей и властной силой протестовал против социальных бедствий, говорил о всех слабых и беззащитных, о крошке-сироте Козетте, бедной рабыне жестоких Тенардье («Отверженные»), об изуродованном мальчике Гуинплене, блуждающем ночью на страшном английском берегу («Человек, который смеется»), о трех детях крестьянки, жизни которых угрожает пожар в башне Тург («93-й год»).

Постановка романтической драмы Гюго «Эрнани» накануне Июльской революции 1830 года явилась победой новой литературной школы на театральных подмостках.

Июльская революция дала Виктору Гюго возможность осознать себя национальным писателем. В «Соборе Парижской богородицы» (1831) он создал грандиозный эпос, посвященный историческому прошлому французского народа, его национальной культуре. Он наполнил стены средневекового собора людьми, красками и всем своеобразием жизни XV века. Замечательно при этом, что прошлое интересовало Гюго уже не как в 20-х годах, не только с точки зрения романтического колорита места и времени. Под влиянием революции поэт стал воспринимать прошлое в плане его социальных конфликтов, в разрезе борьбы народных масс против королевской власти, против феодалов, против католического духовенства.

Поэт резко разоблачил моральную низость дворянства в лице раззолоченного капитана Феба де Шатопера, мрачную изуверскую душу церковника в образе Клода Фролло, архи-диакона собора. В большинстве случаев столь же отрицательны представители дворянства и в его драмах 30—40-х годов: это либо пустопорожние люди, либо низкопоклонная и бесчестная придворная челядь, либо грабящие страну жестокие министры («Король забавляется», «Рюи Блаз»).

Отрицательно относится Гюго и к королевскому абсолютизму, представители которого — либо изверги вроде Людови-

---

¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. I, стр. 119. М. 1948.

(«Собор Парижской богородицы»), садистически наслаждающиеся воплями своих жертв, либо циничные распутники типа Франциска («Король забавляется»), либо жалкие игрушки в руках своих фаворитов, наподобие Марии Тюдор («Мария Тюдор»). Но Гюго еще не против монархического принципа вообще.

Революционное движение начала 30-х годов помогло поэту увидеть и понять широкую активность современных народных масс.

Работая над «Собором Парижской богородицы» и пытаясь представить себе, какой была в XV веке городская народная масса, романтик Гюго, тяготевший ко всему исключительному, красочному, необычайному, на первых порах увлекся изображением живописного и буйного населения Двора Чудес, средневекового логова парижских бродяг и воров. Конечно, вся эта разнузданная, дерзкая и веселая голь с присущей ей контрастной смесью наглости и смирения, искренности и хитрости, жестокости и мягкости так и просилась на полотно художника-романтика. Конечно, это тоже был народ, угнетенный народ, законно бунтовавший против королевской власти, против судейских чиновников и против духовенства, потому что, как говорил один из персонажей романа, «когда ты из народа, у тебя всегда что-нибудь да лежит на сердце». Но это в то же время была масса анархическая, составлявшая угрозу для общества в целом.

Великий демократический талант Гюго позволил, однако, поэту разглядеть и других, лучших представителей народа: таков Квазимодо, такова прелестная, чистая, любящая Эсмеральда.

Следует добавить, что три года спустя, в драме «Мария Тюдор», изображая то же средневековье, Гюго народным героем, и притом положительным героем, сделал уже не бродягу, а ремесленника Жильбера, представителя той народной трудовой среды, которая еще не попала в поле его зрения в «Соборе Парижской богородицы».

Первое пятилетие 30-х годов характеризуется активностью французского революционного движения, многочисленными восстаниями как следствием народного протеста против Июльской монархии. После падения Реставрации трудовой народ мечтал о золотом веке, а к власти пришла верхушка крупного капитала и связанного с ним крупного землевладения — так называемая финансовая аристократия. Она возвела на трон «короля-банкира» Луи Филиппа. Положение народа не только не улучшилось, но, напротив, ухудшилось, ибо, как указывает Маркс, «революция 1830 года отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, т. е. из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непо-

средственным его врагам»¹. Рост эксплуатации и обнищания рабочего класса, полное политическое бесправие народных масс неизбежно толкали народ к восстаниям. Мятежные настроения обездоленного народа сыграли свою роль в творчестве Гюго, усиливая и обогащая его социальную критику, позволяя ему яснее увидеть и оценить трудовую народную массу, стать ее певцом и защитником.

Поэт начинал понимать неотвратимые социальные предпосылки народного движения 30-х годов, порожденные противоречиями буржуазного строя. «Рассмотрите весы, все радости находятся на чашке богача, все горести — на чашке бедняка», — говорил он в 1834 году. И он страстно призывал палату депутатов задуматься над горькой долей народа: «Господа центра, господа крайней правой и крайней левой — простой народ страдает!.. Масса голодает! Масса мерзнет! Нищета наталкивает мужчину на преступление, женщину — на разврат. Сжальтесь над массами, у которых каторга отнимает сыновей, а публичный дом — дочерей. У вас слишком много каторжников, слишком много притеститов. Что доказывают все эти язвы? Они доказывают, что кровь социального организма заражена».

В рассказе «Клод Гё», где само имя центрального персонажа Gueux означает «бедняк», «нищий», Гюго создал реалистический образ обездоленного и пытающегося бороться человека из народа. Бальзак, отнюдь не восхищавшийся романтическими преувеличениями и натяжками Гюго в его драмах, был высокого мнения об этом рассказе, называя его одною «из тех страниц, где художник, писатель, поэт дают полную меру своего таланта»². Гюго показал здесь, что если Клод Гё и совершил преступление, то на кражу и убийство его толкнул единственно социальный гнет. Сам же по себе этот человек является добросовестным, честным тружеником, хорошим семьянином, любящим отцом, отличным товарищем. Поэтому его казнь — вопиющая несправедливость.

Гуманизм Гюго в этом рассказе утрачивает свою первоначальную абстрактность, свойственную «Последнему дню осужденного». Не человека вообще защищает здесь автор, а угнетенных людей из трудового народа и, становясь на их сторону, обвиняет буржуазное общество не только в несправедливости и равнодушии, но и в том, что именно оно, общество, виновно в их страданиях и смерти. Рассказ «Клод Гё» — одно из первых проявлений антибуржуазного протеста Гюго, и не случайно царская цензура в России, начиная с 1867 года, неоднократно запрещала издание его перевода.

Изображая представителей трудового народа, Гюго неиз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 310.

² «Бальзак об искусстве», стр. 153. М. 1941.

менно отмечает благородство их душевных стремлений, их моральную чистоту, бескорыстие, честность и протестует против их угнетения. Таков в особенности уже упоминавшийся ремесленник Жильбер из «Марии Тюдор», прямодушный, доверчивый и честный которого так контрастируют с жизнью английского двора, полной интриг, жестокостей и преступлений; в этой драме Гюго показывает и народную массу, которая уже не стихийно, а разумно поднимается против трона и добивается победы. В драме «Рюи Блаз» Гюго избрал героем человека из народа, ставшего из-за нужды лакеем, и воспользовался его образом для резкой критики правящих кругов. Если по сюжету дело и происходило в королевской Испании XVII века, то некоторые особенно сильные эпизоды пьесы, связанные с разоблачением хищничества и продажности министров, были направлены против преступлений правящей верхушки Июльской монархии. Подобных преступлений могло и не быть, как бы говорит Гюго, если бы у власти стояли люди из народа, вроде Рюи Блаза, бескорыстно преданные интересам общества и государства.

Чем более у поэта росла любовь к замечательным моральным качествам народа, тем больше образы людей из народа входили в его творчество. Но народ оставался в глазах Гюго жертвой всевозможных эксплуататоров и угнетателей. Величайшее горе народа поэт справедливо видел в его темноте. Он много раз твердил, что все правительства сознательно лишали и лишают народ образования, и всю жизнь ратовал за введение всеобщего обучения. «Когда народ станет образованным, — только тогда он и станет повелителем»¹, — писал Гюго в 40-х годах одному поэту-рабочему. А до этого времени, думал Гюго, народом должны руководить лучшие передовые люди современного общества, например, последователи утопического социализма.

Утопический социализм, сыгравший в то время известную прогрессивную роль своей критикой противоречий капиталистического строя, отвергал революционный метод действий, рекомендуя путь мирных реформ, где большое место уделялось вопросам просвещения. В 30-х годах Виктор Гюго ожидал облегчения народной доли от правящих классов, уповая на их «милосердие», на их «справедливость», на то, что они, наконец, ради собственного благополучия должны постараться улучшить положение народных масс. Придавая в качестве утописта большое значение силе убеждения, покоящегося на доводах разума, Гюго и обращался к палате депутатов, призывая ее положить конец страданиям народа.

Определившаяся любовь Гюго к трудовому народу, ко всем обездоленным и угнетенным жертвам буржуазного строя бы-

---

¹ V. Hugo. Correspondance, t. I, p. 555. P. 1950.

ла подмечена передовой французской критикой его времени. Республиканская печать 30-х годов призывала его и в дальнейшем следовать именно этим путем. «Будьте защитником слабых и грозой для сильных, — писала, обращаясь к Гюго, газета «Насьональ», — будьте тем огненным столпом, который светит во мраке нашей пустыни и ведет народ к обетованной земле. Это великая миссия, господин Гюго, и вы достойны понять ее».

Во второй половине 30-х годов, в пору разгрома революционного движения буржуазной реакцией, творчество Гюго утрачивает на время свой наступательный и разоблачительный демократический пафос и вступает в полосу кризиса. После «Рюи Блаза» (1838) поэт ищет новых путей, уходит в интимную лирику, почти смолкает. К этому, растягивающемуся почти на десять лет периоду его творчества в особенности относятся неодобрительные замечания Белинского о том, что Гюго «еще пользуется старинною славою, не прибавляя к ее увядающим лаврам ни одного свежего лепестка», ибо, говорил Белинский, «талант имеет нужду в разумном содержании, как огонь в масле, для того, чтоб не погаснуть»¹. Белинский начинал думать, что большой талант Гюго угасает, потому что не черпает из окружающей действительности «разумного содержания».

Июльская монархия принялась в это время усиленно ухаживать за Гюго. Король Луи-Филипп пожаловал ему графский титул, назначил членом палаты пэров. Однако остро развитое чувство социальной совести не позволяло поэту забывать об общественных противоречиях, заставляло его мучиться за обездоленных, за бедняков. На всю жизнь запали в его память раздирающие впечатления от жизни рабочих кварталов Лилля, которые ему пришлось однажды обследовать. Позднее он писал:

...О, нищета! Мы спим, мечтой объаты сладкой,
А там, где юный стыд раздавлен мертвой хваткой
И голода, и зла,—
Отец, впуская дочь из-под ночного неба,
Не смеет, от нее приняв полфунта хлеба,
Спросить: «Где ты была?»

...Подвалы лилльские! Их своды гробовые!
Там, плача, слышал я хрипенье агонии
Средь полной темноты;
Я видел девушку, что лишь косою одета,
Ребенка-призрака у мертвой груди... Это,
Дант,— видывал ли ты?

О, принцы! Эта скорбь — источник наслаждений
Для вас. О, богачи! Вас эти кормят тени!

---

¹ В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. II, стр. 355.

Поймут ли наконец:
По каплям собран он, поток богатств позорных,
Вот с этих стен сырых, вот с этих сводов черных
Из этих вот сердец!

(Перевод Г. Шенгели)

Ужасы современных народных страданий превосходят все кошмары Дантова ада. Это для Гюго было очевидно. Как же облегчить участь народа? Вот о чем в тиши своего кабинета думает Гюго, пэр Франции.

В этих раздумьях все более углублялась пропасть, разъединявшая поэта с миром «высших классов», с миром консерваторов и реакционеров, правящих Францией, с миром этих, как он о них говорил, улыбающихся, безмятежных, богатых и знатных людей «в расшитой золотом одежде, в лентах и звездах, в шелковых чулках, желтых перчатках и лакированных туфлях». «Облокотившись на обитый бархатом столик, возле мраморного камина, — пишет Гюго, — они кротко высказываются за сохранение и поддержку прошлого, средневековья, божественного права, фанатизма, невежества, рабства, смертной казни и войны, вполголоса и учтиво прославляя меч, костер и эшафот». И поэт заклеил этих врагов народа, назвав их «цивилизованными варварами».

* * *

По словам Гюго, он стал социалистом с 1828 года, но именно теперь, в 40-х годах, поэт особенно упорно и сосредоточенно изучает различные социальные вопросы и учения утопического социализма. В эти годы, в пору безраздельного торжества буржуазной реакции, в народном лагере поднималась новая волна недовольства Июльской монархией. Многочисленные преступления, совершавшиеся в верхах общества и в правительственных кругах, скандальнейшие случаи взяточничества и продажности министров, грандиозные растраты и хищения в правительственном и чиновном аппарате свидетельствовали, что строй Июльской монархии безнадежно прогнил. Маркс писал об общественных настроениях 1847 года: «...народ кричал: «долой крупных воров! долой убийц!»... мелкая буржуазия была нравственно возмущена, народная фантазия негодовала»¹.

Так, в обстановке буржуазной реакции 40-х годов накаплилась и зрела народная ненависть к Луи-Филиппу, представлявшему собой, по выражению Маркса, «капитал на троне», безмерно ожесточалась ненависть к циничным преступлениям финансовой аристократии. Безмолвие 40-х годов было затишьем перед бурей 1848 года.

Виктору ли Гюго с его чуткой восприимчивостью было не чувствовать атмосферу этого предгрозя? Дыханье народного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 7.

недовольства врывалось в кабинет поэта. Вот почему его не могла купить Июльская монархия. Вот почему его интерес к социализму был отнюдь не теоретическим. И вот, наконец, почему в 1845 году поэт приступает к работе над крупнейшим своим произведением, создавая первый вариант «Отверженных». Широкая картина претерпеваемых народом страданий, лишений, гонений, несправедливостей — вот чем разрешается долгий творческий кризис Гюго. Перелом наступает под влиянием народных движений и нарастающей революционной ситуации. Первый вариант «Отверженных» — это предчувствие неотвратимости революции.

Февральская революция сыграла в духовном развитии Гюго громадную роль. Правда, вначале поэт растерялся: он еще хранил верность конституционной монархии.

Поэт не смог также уяснить себе значение и смысл июньского рабочего восстания 1848 года. Он понимал, что восставших ведет в бой беспредельность их нищеты и отчаяния, но восстание казалось ему бунтом анархии против общества, против народа, против республики.

Гюго рассуждал как мелкобуржуазный демократ, как утопист, не веривший в пролетариат, не понимавший его революционности. Отметим все же, что Гюго считал виновными в этом восстании скорее тех, «кто господствует, чем тех, кто страдает», скорее «привилегированных», чем «обездоленных». Вот почему он воспользовался своими депутатскими полномочиями, чтобы спасти жизнь ряду повстанцев, чем приобрел среди них преданнейших друзей, энергично помогавших ему затем в декабре 1851 года. Герцен писал:

«Виктор Гюго никогда не был в настоящем смысле слова политическим деятелем. Он слишком поэт, слишком под влиянием своей фантазии, чтобы быть им. И, конечно, я это говорю не в порицание ему... Февральская революция застала Гюго врасплох; он не понял ее, удивился, отстал, наделал бездну ошибок и был до тех пор реакционером, пока реакция, в свою очередь, не опередила его»¹. Но когда поэт понял историческое значение народной борьбы за республиканский строй и необходимость этого строя, он стал республиканцем, одним из талантливейших деятелей республиканской партии, убежденно верившим, что буржуазно-демократическая республика облегчит положение народных масс. Именно в качестве республиканца Виктор Гюго, не щадя своей жизни, вступил в отчаянную борьбу против Луи-Наполеона Бонапарта, когда президент Второй республики совершил государственный переворот. Герцен с восхищением говорит, что «2 декабря 1851 г. он (Гюго.— Ю. Д.) стал во весь рост: он в виду штыков и заряженных ружей звал народ к восстанию; под пулями

¹ А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 535. Л. 1946.

протестовал против *coup d'état*¹ и удалился из Франции, когда нечего было в ней делать»².

В изгнании поэт не прекратил своей борьбы. В памфлете «Наполеон Малый» (1852) и в огненных сатирах «Возмездия» (1853) он беспощадно разоблачал и клеймил новых эксплуататоров народа. Маркс отметил существенные недостатки памфлета Гюго «Наполеон Малый», связанные с идеалистическим пониманием поэтом исторического процесса, но все же отнес эту книгу к числу немногих «заслуживающих внимания» книг, написанных о февральской революции. Большой успех выпал на долю сборника стихов Гюго «Возмездие». «Книгу «*Châtiments*» по бичующей силе негодования мы ставим наравне с сатирами Ювенала»³, — заметил русский революционный демократ М. И. Михайлов.

«Возмездие» действительно представляет собой книгу необычайную. Никогда еще во французской поэзии не появлялось ничего подобного по силе и огненности революционной страсти. Все ранее имевшиеся, выдающиеся в своем роде образцы французской политической сатиры XIX века — «Ямбы» Барбье, «Немезида» Бартеlemi и Мери — сразу отступили на второе место. Виктор Гюго, выросший политически и духовно в революционную пору 1848—1851 годов, превратился как бы в нового поэта, голос его стал громовым, талант развернулся с небывалой широтой. «Возмездие» следует считать одним из замечательнейших памятников французской поэзии февральской революции 1848 года.

В. И. Ленин охотно читал стихи Гюго и как раз сборник «Возмездие». «В этих стихах много какой-то наивной напыщенности, но чувствуется в них все же веяние революции»⁴, — писала Н. К. Крупская, передавая отношение Владимира Ильича к этому сборнику стихов. Недостаток, отмеченный в этом высказывании, присущ почти всей политической лирике Гюго. Но в отличие от других сборников «Возмездие» замечательно именно «веянием революции» — драгоценным наследием 1848 года.

В «Возмездии» Гюго повторил ту же, что и в «Наполеоне Малом», отмеченную еще Марксом, ошибку невольного возвеличения «бандита 2-го декабря» — Луи Наполеона. Поэт не смог вскрыть те предпосылки классовой борьбы, которые дали возможность «посредственному и смешному персонажу разыгрывать роль героя»⁵.

«Возмездие» восхищает читателя пылом сатирических обличений и разоблачений, бросая его в кипящий водоворот гне-

¹ *Coup d'état* — государственный переворот.

² А. И. Герцен. Былое и думы, стр. 535.

³ «Русское слово» № 1 за 1860 г., стр. 127.

⁴ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 188. М.-Л. 1931.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 313.

ва, ярости, проклятий, в бешеный вихрь борьбы революционного лагеря, оказавшегося внезапно предагельски побежденным, но не сдающегося, но верящего, что победа будет за ним. Книга Гюго показывает различные идейные слабости этого революционного лагеря, еще не отдающего, например, себе отчета в решающем значении социально-экономических предпосылок, фактора классовой борьбы, еще не изжившего иллюзий о полезности союза демократии с религией, еще полагающего, что господь-бог — на стороне революционного движения, демократии и прогресса, или, например, убежденного, что грядущая революция, которая свергнет Вторую империю, должна быть бескровной. Но несмотря на все эти заблуждения и иллюзии поэта, воспроизводившего распространенные предрассудки той поры, политический опыт, вынесенный им из событий 1848—1851 годов, и личное участие в декабрьском сопротивлении имели для Виктора Гюго громадное значение: они дали ему возможность понять, что единственной, реальной, земной силой, способной освободить родину от гнета Второй империи, является народ. Народ предстает поэту в образе рабочего — мастера, что всегда готов нести под пули жизнь». Сама революция 1793 года для поэта — труженик, бедняк, представитель народа. Вот почему Виктор Гюго не только бичует Наполеона III и его приспешников, но всей силой агитационного слова старается поднять на борьбу французский народ. «Сограждане, довольно спать!» — возглашает Гюго, обращаясь к французским пролетариям.

Вы безоружны? Вздор! А вилы?
А молот, труженика друг?
Камней набрать, что хватит силы
Из двери тяжкий вырвать крюк!
И станьте, дух вручив надежде,
Великой Францией, как прежде!
Парижем вольным станьте вновь!
Свершая праведное мщенье,
Себя избавьте от презренья,
С отчизны смойте грязь и кровь!

(Перевод Г. Шенгели)

Отдельные стихотворения из «Возмездия» нелегально проносили во Францию листовками и делали свое дело в революционном движении 50—60-х годов.

«Возмездие» является вершиной политической лирики Гюго. Поэт стал кумиром тогдашней французской демократии, патетическим примером писателя-гражданина. «Всем нам, тогда двадцатилетним юношам, он представлялся колоссом в оковах, поющим среди бури, — писал Эмиль Золя. — Он был Прометеем, был чем-то сверхъестественным»... Мятежный хмель «Возмездия» кружил головы французской молодежи. Книга воспитывала бойцов революции, таких, например, как Луиза Мишель, как Жюль Гед. Вот почему и в годы гитлеровской

оккупации Франции эта книга стала одним из видов оружия движения Сопротивления.

Да, Герцен был прав, называя Гюго-изгнанника «раздраженным львом». Десять лет продолжалось изгнание поэта, и Вторая империя не раз изъявляла готовность с ним помириться. Гюго был непреклонен. Нельзя и теперь без волнения читать, приводимые Герценом, великолепно-гордые строки поэта: «Если останутся десять французов в изгнании, я останусь с ними; если три, я буду в их числе; если останется один, то этот изгнанник буду я. Я не возвращусь иначе, как в свободную Францию»¹.

На своей Гернсейской скале (в изгнании Гюго жил на островах Гернсей и Джерсей) — на «блистающей скале», по выражению Барбюса, — Гюго стал как бы судьей всей неправды мира. Прогрессивное человечество наших дней не забудет выступление поэта в защиту американского демократа Джона Брауна, предводителя восстания, поднятого против рабовладения. Раненый и взятый в плен рабовладельцами, Браун был приговорен к смертной казни. Стремясь спасти жизнь Брауна, Гюго написал одно из самых красноречивых своих писем. «Берегитесь, — восклицал он, обращаясь к американцам, — чтобы убийство Брауна не стало той непоправимой политической ошибкой, которая пошатнет американскую демократию».

Однако Виктор Гюго прозорливо видел всю фальшь американской «демократии». Он видел равнодушие американского Севера к ярости расистов-рабовладельцев, к ожидавшейся казни Брауна, и с горечью писал: «Палачом Брауна будет не прокурор Гентер, не судья Паркер, не губернатор Уайз, не маленький штат Виргиния; палачом Брауна будет — и при одной мысли об этом дрожь пробегает по телу, страшно даже говорить: вся американская демократия». В этом своем предвидении Гюго не ошибся: Джон Браун был повешен. Оправдались негодующие слова поэта: «Вашингтон убил Спартака». Джона Брауна вел к виселице тот самый Бутс, который впоследствии стал убийцей президента Линкольна, тот самый Бутс, который является духовным предком современных американских фашистов, пытающихся задушить петлей народную волю к борьбе за мир.

Во многих других своих произведениях Гюго высказывал резкое недовольство господствующими кругами США. Еще в 1840 году, в стихотворении «Две стороны горизонта», говоря о капиталистической Америке, он называет ее «Америкой без души». В стихотворении «Цивилизация» он клеймит позором колониальную политику и расизм правящих классов США, безжалостно истребляющих индейские племена, преследующих

---

¹ А. И. Герцен Былое и думы, стр. 535.

негров и в то же время лицемерно болтающих о «свободе». В стихотворном «Послании к Гранту» (1870), обращаясь к тогдашнему президенту США, Гюго разоблачает стремление США навязать свое господство другим народам.

В изгнании Гюго был самым тесным образом связан с революционными кругами тех лет, не только с французами-эмигрантами, но и с Герценом, Гарибальди и другими. Он энергично восставал против несправедливых, захватнических войн, вроде, например, разбойничьей военной экспедиции, предпринятой Англией и Францией в 1860 году в Китай. Он сочувственно поддерживал национально-освободительное движение порабожденных народов. Защищая население Кубы, восставшее против испанского ига, Гюго открыто и гневно выступил против национального угнетения. «Ни одна нация не имеет права накладывать свою руку на другую нацию, — Испания на Кубу, Англия на Гибралтар. Никакой народ не вправе владеть другим народом, так же, как никакой человек не вправе владеть другим человеком». И Гюго добавлял: «Так же, как я говорю Испании: отдайте Кубу, я говорю Франции: отдайте Таити!»

Время изгнания было периодом творческого расцвета Гюго и наибольшей его плодовитости. Под благотворным влиянием революционного движения 1848—1851 годов творчество Гюго поистине наполнилось теперь «разумным содержанием», о котором говорил Белинский.

В эту именно пору Гюго и стал великим французским писателем. «И если перед нами действительно великий художник, — указывает Ленин, — то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»¹. Несмотря на идеалистичность, иллюзорность, противоречивость и мелкобуржуазную ограниченность многих своих воззрений, Виктор Гюго, сильный своим духом гуманиста-демократа, обогащенный опытом революции 1848 года, широко отразил, особенно в своих знаменитейших романах 60-х годов, острое недовольство народа капиталистическим строем, протест народа против гнета и бесправия, могучий рост народной мощи, народную жажду изменения существующих общественных отношений и борьбу за установление республиканского строя.

* * *

Роман-эпопея «Отверженные» (1862) — один из величайших памятников французской прогрессивной литературы XIX века — представляет собой развернутый обвинительный акт против буржуазного строя со всеми его противоречиями, формальным и жестоким к народу правосудием и с большими

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 179. Изд. 4-е.

социальными вопросами, которые, как писал Гюго, «множились, нависая над обществом внутри государства черной тучей».

С особенной силой поставил Гюго проблему обездоленного, бесправного, угнетенного народа, который предстает в романе в различных образах. То это Жан Вальжан, крестьянин, батрак, оставшийся без работы и укравший кусок хлеба для голодной семьи и за это сосланный на каторгу, которая превратила его в озлобленного зверя; в дальнейшем Жан Вальжан перерождается к лучшему, но вынужден жить под вечным страхом полицейских преследований. То это Фантина, бедная девушка из народа, полюбившая негодяя, брошенная им, надрывающаяся на работе, чтобы содержать своего «незаконного» ребенка, и становящаяся жертвой отчаянной эксплуатации. То это горемычные дети жулика Тенардые, дети притонов и мостовой, обреченные кто на проституцию, кто на беспризорность, втягиваемые в преступную среду и только каким-то чудом не превратившиеся в преступников.

Каким же образом можно положить конец страданиям народа, который добр, сострадателен, чуток и отзывчив, подобно Жану Вальжану, полон самоотверженной материнской любви, подобно Фантине, полон внутренней чистоты, подобно детям Тенардые? На этот вопрос Гюго отвечает противоречиво.

Под влиянием христианского социализма Гюго создает идеализированный образ епископа Мириэля, друга всех обездоленных, живущего по евангельским заветам. Под влиянием сенсимонизма и фурьеризма в романе возникает и другой, столь же нетипичный и нежизненный образ добродетельного капиталиста, фабриканта-филантропа Мадлена, якобы благодетеля своих рабочих и всей округи. Но при всем своем утопизме Гюго уже не может не отдавать себе отчета в том, что эти идеальные персонажи способны помогать людскому горю лишь в единичных случаях и бессильны перед всем морем общественно-го зла.

К 50-м годам, когда писался роман во втором его варианте, в полной мере применимы слова Ленина о том, что в эту пору «...революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела»¹. В этом — объяснение всей противоречивости Гюго.

Нет никакого сомнения, что именно революция 1848 года помогла Гюго усомниться в конце концов в упованиях на Мириэлей и Мадленов. Именно она побудила поэта переделать первый вариант романа, где фигура идеализированного епископа занимала центральное место. Именно революция 1848 года открыла Виктору Гюго глаза на то, что есть и другой путь борьбы — революционный. По этому пути народ должны вести

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 10.

республиканцы-демократы. И в уста революционера Анжоль-раса, одного из вождей восстания, Гюго вкладывает вдохновенные слова о прекрасном будущем, которое завоюет для народа революция. Это будет царство свободы, равенства, братства и просвещения. «Не будет больше голода, угнетения, проституции вследствие нужды, нищеты вследствие безработицы, ни эшафота, ни кинжала, ни сражений, ни случайного разбоя в темном лесу нашей действительности. Настанет всеобщее счастье».

Гюго писал исторический роман. Поставив в центре его изображение восстания 5—6 июня 1832 года, он говорил именно о тех, по известному выражению Энгельса, «республиканских героях..., которые в то время (1830—1836) действительно были представителями народных масс»¹. Гюго не погрешил против исторической точности, отдавая ведущую роль в этом восстании именно левым республиканцам-интеллигентам. Но под влиянием революции 1848 года Гюго уже приближался к пониманию огромных творческих и организаторских сил пролетариата, говоря о рабочем, как о «великом незнакомце, который всегда появляется при исторических кризисах и зарождении нового общественного строя, чтобы в нужную минуту властным голосом произнести решающее слово и вновь исчезнуть во мраке, воплотив в себе на короткий миг, при блеске молний, дух народа и божества».

Таким образом, если Гюго до 50-х годов был сторонником мирных, бескровных, реформистских путей общественного переустройства, то отныне он признает законность и революционного метода действий. К этой мысли его приводит сама буржуазная действительность, точнее говоря — бесплодность всех его призывов к буржуазному обществу о том, чтобы улучшить положение народа мирным путем. Отдавая дань уважения прошлой борьбе третьего сословия с феодальным строем, поэт в настоящем видел в буржуазии только биржевых спекулянтов, эгоистических стяжателей, одно, как он говорил, «удовлетворенное вождение», людей, равнодушных и даже враждебных прогрессу, и писал, что «в глубине их совести — навоз». Утопические надежды поэта на буржуазное общество терпели крах. Теперь его точка зрения совершенно переменилась. Ему стало ясно, что революционный путь законен. «Революция не случайность, а необходимость... Она есть потому, что ей следует быть», — говорит он в «Отверженных».

Не было во французской литературе писателя, который создал бы с такой пламенной поэзией титаническую картину баррикадной борьбы, как это сделал Гюго в разделе «Отверженных», называющемся «Эпопея улицы Сен-Дени». Со всей силой своего большого и страстного таланта воспел он беззаветное

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XXVIII, стр. 28.

мужество революционеров. Страницы романа, на которых он так красочно воплотил поэзию революции, ее дерзкую отвагу и героизм в образе гамена¹ Гавроша, бесстрашного львенка баррикады, всегда будут жить и воспламенять читателей, ибо эти страницы полны благородного революционного романтизма и реалистической правды.

Тем же народным влиянием, влиянием революционного лагеря объясняется и вся оптимистическая тональность романа. Идеалистические заблуждения поэта не мешали ему питать неугасимую веру в лучшее будущее, свойственную обездоленному народу, и могучую волю к борьбе за это будущее. Писатель-демократ Гюго выразил в романе «Отверженные» веру в освобождение народа.

В романе «Труженики моря» (1866) Гюго создал новый эпос — величественный демократический эпос о труженике и о его неисчерпаемой творческой энергии.

Гуманизм Гюго в этом романе делает большой шаг вперед. Поэт говорит уже не о жалости к человеку, но с великим энтузиазмом воспевает могущество человеческого дерзания. Его Жильят, один в утлой лодчонке выплывающий в океан, чтобы снять с разбившегося на скалах парохода дорогую машину, предоставленный только собственным усилиям, рискуя жизнью, борясь со свирепыми стихиями, с морем, бурей, с хищными птицами, пожирающими его пищу, со страшным морским чудовищем — спрутом, лишенный самых необходимых орудий, противостоя всем трудностям только своим умом и искусными руками, показывая чудеса изобретательности и ловкости, наконец одерживает победу и снимает со скал драгоценную машину. «По-моему, это будет почище сражения под Аустерлицем!» — восклицает один из героев романа, ставя трудовой подвиг Жильята выше наполеоновской победы.

Образ Жильята символизирует величие человека, покоряющего стихии природы. Гуманизм Гюго демократичен: Жильят — это воплощение народа, и его подвиг — проявление необъятных творческих возможностей и созидательной мощи, свойственных народу. Наблюдения Гюго над суровой и мужественной жизнью рыбаков и матросов Гернсея дали поэту много красок для создания образа Жильята.

Однако в конце романа Гюго отдает дань идеализму. Он придает образу Жильята ложную идею смирения и жертвенности, заставляя его покончить самоубийством из-за любовной неудачи. В финале романа дает себя знать непреодоленное влияние утопизма: Гюго еще не верит в то, что Жильяты способны всегда хранить стойкость и силу.

Революционное движение, с которым так кровно связан Гюго после 1848 года, обогатило его творчество героическим обра-

---

¹ Гамен — уличный мальчишка.

зом революционера, непоколебимо верного своей идее даже после гибели революции. Так, еще в «Отверженных» Гюго создал величественный образ старого члена Конвента. В годы Реставрации от этого старика бегут как от зачумленного, он обречен на одиночество, окружен ненавистью, объявлен «чуждым». Но и на пороге смерти старый революционер хранит благоговейную память о революции XVIII века, которая по заслугам воздала угнетателям за бесконечные страдания народа.

Тема яростной мести реакции, обрушивающейся на революционера и на его семью, проходит в романе «Человек, который смеется». Лорд Кленчарли, пэр Англии, стал республиканцем в годы английской революции XVII века. Затем ему пришлось эмигрировать. Гюго с уважением обрисовывает этого седовласого «старика, одетого как простолюдин, бледного, рассеянного, согбенного, вероятно уже близкого к могиле... молчаливого, одинокого, погруженного в задумчивость». Как бы легко было ему, думали обыватели, занять видное место у трона нового короля, отказавшись от своих «заблуждений»? Старик был в их глазах «олицетворением безумия». После его смерти король Иаков II, ненавидевший строптивого лорда-республиканца, выместил свою злобу на его единственном сыне. Двухлетнего ребенка «продали, изувечили, изуродовали и объявили пропавшим бесследно, в соответствии с желанием его величества, все милостивейшего короля». По воле короля ребенок был неузнаваемо изуродован компрачикосами¹, которые, желая сделать его ярмарочным фигляром, превратили его лицо в «маску смеха».

В этом эпизоде романа Гюго образно обобщил ту безудержную жестокость политической реакции, которой он уже много раз был свидетелем: жестокость буржуазного учредительного собрания 1848 года, беспощадно расправившегося с июньскими повстанцами-рабочими и их семьями, жестокость Второй империи, образовавшей при своем возникновении «смешанные комиссии» для преследования революционеров.

После 1848 года Гюго с особой остротой осознал непримиримую истребительную ненависть реакции ко всякому революционному началу. Он с ясностью увидел, что в истории все время идет борьба нового со старым, что старое пытается обладать над новым, уничтожить, раздавить его. Но ярость реакции только усиливает существующий гнет, народные страдания — и вот-вот грянет новая революционная буря.

В «Человеке, который смеется» (1869) Гюго, как и в «Отверженных», показал потрясающую угнетенность народа. Народ и здесь — жертва бесчеловечного правосудия, холодного

---

¹ Компрачикосы — люди, похищавшие или покупавшие детей и уродовавшие их для продажи в качестве шутов в богатые дома или в балаганы.

произвола. Вот почему Гуинплен видит среди своих обычных зрителей-простолудинов немало лиц, на которых «печать природной доброты, уничтоженная социальным гнетом, превратилась в ненависть». Вот почему Гуинплен приходит к убеждению, что «рай богатых создан из ада бедных».

С большой обличительной силой, с позиций народного писателя Гюго обрисовал бесчеловечность английского государственного строя. «Скоро на земле водрузятся две вывески: одна с надписью «человечество», другая со словами «англичане», — заявляет Урсус. Наиболее патетические страницы романа — это речь Гуинплена в палате лордов. Это как бы предчувствие падения Второй империи, как бы ощущение того, что мера народных страданий переполнилась, что поднимается грозная волна народного гнева.

Монолог Гуинплена воспроизводил былые утопические призывы 30-х годов к совести и отзывчивости общественных верхов. Палата лордов встречает эту речь насмешками, хохотом. То, что Гюго увидел и показал бесплодность призывов Гуинплена, явилось идейно-художественной победой поэта, убедительным свидетельством острого кризиса его утопических мечтаний.

Под влиянием революции 1848 года Виктор Гюго становится страстным и убежденным противником войны.

Выступая в 1849 году на тогдашнем Парижском международном съезде друзей мира, Гюго говорил: «Так ли уж утопична идея мира? Так ли уж она неосуществима? Люди, которые хотят быть «позитивистами» — как нынче это называют, а иначе говоря, старые политики, поседевшие в интригах, ответят: да, утопия. А я без колебания отвечу: нет, не утопия (аплудисменты), и я это докажу. Я не только заявляю, что мира во всем мире можно добиться, я говорю, что он неизбежен. Придет день, когда пушки превратятся в музейные экспонаты, их будут показывать людям как варварские орудия и, глядя на них с изумлением, посетители музея будут думать: да неужели могло существовать подобное варварство?...»¹.

Для достижения мира европейская демократия должна, по мысли Виктора Гюго, объединиться в федерацию братских республик. Мысль о федерации европейских республик Гюго мельком высказал еще в 1851 году, борясь против надвигавшегося бонапартистского переворота, и остался ей верен и в годы изгнания: он писал, например, в 1855 году Герцену, что ожидает «всемирной республики». Так и в 1869 году Гюго высказал требование всеевропейской революции для установления всеевропейского республиканского строя.

В обстановке бесконечных войн Второй империи мечта поэта была отражением насущной народной воли к миру: этого

---

¹ «В защиту мира» № 8 за 1952 г., стр. 87.

мира жаждали трудовые народные массы Франции и всей Европы.

«Цивилизованный мир,— писал Гюго,— на всем земном шаре каждые 24 часа производит сто пятьдесят тысяч никому не нужных холостых выстрелов. Считая по шесть франков каждый пушечный выстрел, это составляет девятьсот тысяч франков в день, или триста миллионов в год, превращающихся в дым... Тем временем бедняки умирают с голода».

В 60-х годах Европа была монархической. Свержение королей, уничтожение цивильных листов, ликвидация паразитизма всех видов, всяких синекур и оплачиваемого бездельничества, роспуск королевских армий — все это, по подсчету Гюго, должно было дать Европе ежегодно десять миллиардов. А эта сумма означала в глазах поэта ликвидацию народных страданий, лишений, голода.

В 1869 году Гюго был избран почетным председателем Конгресса мира и свободы в Лозанне. Появление его здесь было связано с предшествующими выступлениями поэта в защиту мира.

Февральская революция внушила поэту великую цель, к которой, как он писал, «будут направлены все усилия моей жизни». Эта цель — «согласие народов, примирение людей, мир».

Открывая работу Конгресса мира и свободы, Гюго произнес следующую речь:

«Все мы, находящиеся здесь, — чего мы желаем? Мира! Мы желаем мира, желаем его пылко, желаем его непременно. Мы желаем мира между одним человеком и другим, между одним народом и другим, между одной расой и другой... Но как мы желаем мира? Любой ценой? Без всяких условий? Нет! Мы не желаем мира согбенной спины и поникшего чела. Мы не желаем мира под игом деспотизма, палки, скипетра (аплодисменты). Первое условие мира — это освобождение. Для этого освобождения наверное понадобится революция, и притом наивысшая, а также может быть, увы! война, — последняя. Но когда все это совершится, мир, сделавшись нерушимым, станет вечным. Тогда не будет больше армий, королей, — прошлое исчезнет. Вот чего мы желаем. Мы желаем, чтобы народ жил, обрабатывал землю, приобретал, продавал, работал, говорил, любил и думал — свободно; чтобы там были школы, в которых воспитывались бы граждане, и чтобы там больше не было королей с их митральезами (браво!). Мы желаем великой континентальной республики (восторженные аплодисменты)»¹.

Эти выступления поэта-демократа и сегодня играют большую роль, они сплачивают французский народ, свято чтущий

---

¹ Congrès de la paix et de la liberté. Lausanne, 1869. Bulletin officiel № 3, p. 34.

память своего национального поэта, в борьбе за священное дело мира.

Таким образом, творчество Гюго было тесно связано с революционным движением. Поэт чутко откликался на намечавшуюся революционную ситуацию, и она поднимала его на своей волне. Так, в конце 20-х годов, в обстановке назревавшей Июльской революции, поэт порывает с легитимизмом и со всей решительностью проводит романтическую реформу. Так, революционная ситуация 40-х годов помогла оформиться начальному замыслу «Отверженных». С другой стороны, период самой революции обогащал поэта новыми демократическими идеями и помогал ему преодолевать заблуждения и колебания, содействовал расцвету его творчества. Так, под влиянием революции 1848 года Гюго создал лучший из своих поэтических сборников «Возмездие» и свои прославленные социальные романы, исполненные пафоса демократии, прогресса и свободы. Накануне Парижской Коммуны поэт снова полон предчувствий революционной бури, и свое выступление на Лозаннском конгрессе мира и свободы он заканчивает восклицанием: «Привет грядущей революции!». В обстановке ее ожидания Гюго и создал свои знаменитые романы 60-х годов.

Развитие творчества Гюго свидетельствовало о том, что поэт все более приближается к народу. Именно на этом пути Гюго становился революционным писателем. Совершенно прав Лиссагарэ, историк Парижской Коммуны, сказавший: «Достаточно прикоснуться к народу, чтобы стать революционером!». Слова эти были сказаны именно по поводу автора «Отверженных». Подобно многим другим писателям, Гюго был «социалистом по чувству», и основой этого его социализма была стихийная любовь к обездоленному народу, переполнявшая большое, сочувливое и отзывчивое сердце поэта. И снова прав Лиссагарэ, добавляя, что творчество Гюго «наполняло нам патронташ».

Многое связывало автора «Отверженных» с народом накануне 18 марта 1871 года. Первоначальное отрицательное отношение Гюго к франко-прусской войне, затеянной Второй империей, изменилось после падения Наполеона III: война стала оборонительной, призванной защищать новую республику.

В то время, когда бонапартистский генералитет изменнически проигрывал одно сражение за другим, поэт-патриот призывал народ защищать родину, разворачивать партизанскую войну. «Будем вести войну день и ночь, войну в горах, войну в долинах, войну в лесах... Вольные стрелки!.. Пробирайтесь сквозь чашу, переходите через потоки, прикрывайтесь тенью и сумерками, скользите по оврагам, ползите, карабкайтесь, цельтесь, стреляйте, истребляйте захватчиков! Защищайте Францию, как герои! Будьте беспощадны, патриоты!»

Эти мужественные строки Гюго вновь слышали патриоты Франции, героические бойцы Сопротивления, в дни борьбы с гитлеровскими оккупантами. Перепечатанные в подпольной газете «Юманите» — органе Центрального Комитета Французской Коммунистической партии, эти огненные слова Гюго скрепляли фронт Сопротивления, вселяли веру в победу.

Гюго возвратился во Францию на другой день после падения Второй империи. То был момент, когда Франции угрожала наивысшая военная опасность. Все его творчество этого периода проникнуто пламенным патриотизмом.

Именно в эту пору Гюго произнес такие слова: «Хотел бы я не быть французом, — чтобы сказать, что выбираю тебя, Франция, и чтобы провозгласить тебя моей родиной, моей славой, моей единственной любовью — в тот мученический час, когда тебя терзает коршун!»

Находясь в осажденном пруссаками Париже, Гюго подвергался всем лишениям осады, тяжесть которых особенно ложилась на бедняков. «Я голоден, мне холодно; тем лучше, я разделяю народные страдания», — записывал он в дневнике 1 января 1871 года. Всей душой разделял он страстный патриотизм парижской революционной демократии, ее ненависть к прусским захватчикам, ее непреклонную волю к отпору врагу, ее веру в победу. Вместе с борющимся народом Гюго ненавидел и презирал подлый и трусливый синклит буржуазных космополитов и предателей родины, словно в насмешку называвшийся правительством Национальной обороны и метко переименованный народом в «правительство национальной измены». Как горячо и любовно воспевал Гюго обороняющуюся столицу, ее хмуро настороженные форты, ее ревущие пушки! Как гордился тем, что одна из этих пушек, защитниц родины и республики, носит его имя и отлита на его собственные средства! Как восхищался стойкостью народных защитников Парижа, отряды которых в вечерней мгле сосредоточенно шли на передовые позиции, в то время как правительство в ратуше плело сеть предательства!

Избранный в Национальное собрание, только и думавшее о скорейшем заключении мира, о сговоре с Бисмарком — ради разоружения парижского пролетариата, Виктор Гюго на депутатской скамье оказался красноречивым выразителем патриотического народного негодования. Он произнес ряд блестящих речей против прусского милитаризма, против насилий и наглости вторгшегося во Францию врага. Устами Гюго говорил народ, стряхнувший иго Второй империи, готовый до конца защищать возродившуюся республику, но этот вооруженный народ был пугалом для Национального собрания, и, вынужденное принимать некоторые патриотические предложения Гюго, Собрание не проводило их в жизнь. Тем резче становились выступления Гюго против реакционеров. 8 марта 1871 года, когда

правые элементы Собрания подняли вопрос о незаконном якобы избрании Гарибальди в депутаты, Гюго встал на его защиту, заявив без обиняков, что из всех генералов, сражавшихся за Францию, Гарибальди единственный не был разбит. Бонапартистский генералитет поднял бурю, объявив, что Гюго оскорбляет Францию. Возмущенный писатель, видя невозможность дальнейшей защиты интересов родины и народа, сложил с себя звание депутата. Так Гюго порвал с реакционным Собранием, возглавившим затем кровавую расправу с коммунарами.

Но народ любил поэта. 18 марта Гюго хоронил сына. В этот первый день революции улицы были преграждены баррикадами. «Федералисты салютуют и разбирают баррикады, чтобы дать дорогу славе и смерти», — засвидетельствовал историк Коммуны¹. На выборах в Коммуну кандидатура Гюго была выставлена от IX, XV и XVI округов Парижа, но не собрала нужного количества голосов. Коммуна постановила назвать именем Виктора Гюго один из парижских бульваров.

Неизжитый до конца утопизм поэта заставил его, однако, в дни Парижской Коммуны занять позицию «над схваткой». Он более всего скорбел о том, что на его родине происходит братоубийственная гражданская война на глазах насмехающегося врага, стоящего под Парижем. В стихотворениях этой поры поэт наивно взывал о примирении к обоим борющимся лагерям — коммунарам и версальцам.

Когда же до Гюго донеслась весть о кровавой неделе, о страшной бойне, учиненной версальцами над побежденными инсургентами Коммуны, поэт был потрясен. Находясь в это время в Брюсселе, он напечатал в бельгийских газетах письмо, объявляя, что предоставляет в своем доме убежище бежавшим коммунарам. Известно все последующее — ночная осада дома Виктора Гюго бельгийскими реакционерами, попытки выбить дверь, камни, летевшие в оконные стекла, зверские вопли: «Смерть Виктору Гюго!», «Смерть Жану Вальжану!», и, наконец, королевский декрет об изгнании поэта из Бельгии...

Хотя Парижская Коммуна, просуществовавшая так недолго, была с бешенством расстреляна, растоптана и оклеветана версальской буржуазно-помещичьей и клерикальной реакцией, хотя Гюго, не знавший научного социализма, не стал на точку зрения пролетариата и не понял всемирно-исторического значения первого опыта пролетарской диктатуры, тем не менее эта поистине народная революция не могла не оказать своего воздействия на Гюго. Деятельность некоторых коммунаров произвела на поэта величайшее впечатление. Как бы откликаясь на обращенное к нему послание коммунара Троэля, призывавшего воспеть Луизу Мишель, Виктор Гюго в стихотворении

---

¹ Э. Лиссагарэ. История Парижской Коммуны, стр. 110. СПб. 1906.

«Vigo majog» восславил мужество и революционный героизм знаменитой «красной девы».

Поэту удалось спасти жизнь некоторым коммунарам, приговоренным к смертной казни.

С конца 1871 года Гюго как писатель, депутат и сенатор в течение девяти лет неутомимо, упорно, стойко боролся за амнистию для осужденных деятелей Коммуны, фактически выступая против всего французского буржуазного общества с его правящими кругами, парламентом, правосудием, прессой и литературой. Именитые представители буржуазной литературы, опозорившие себя чернейшей ненавистью к пролетариату, осыпали поэта яростной бранью.

Парижская Коммуна оказала воздействие на Гюго еще в одном немаловажном отношении. Она побудила поэта стать в реакционнейшие годы версальского террора защитником революционных традиций французской демократии, в частности, революции XVIII века. В этом отношении замечателен роман «93-й год» (1874).

Над этим последним своим романом Гюго работал в ту пору, когда Франция была «республикой без республиканцев», когда в ней три влиятельных монархических партии при активной поддержке духовенства открыто готовили монархический переворот. Реакция 70-х годов кипела ненавистью не только к Коммуне, но и ко всякому революционному началу, и целый ряд буржуазных историков этих лет, нашедший затем своего главу в лице Тэна, издавал бешеные пасквилы против революции XVIII века.

Великий демократ Виктор Гюго дает резкий отпор этим клеветникам. Революция XVIII века в его глазах — святыня, и на своем идеалистическом языке он именует ее «Неизбежностью»: «То, что должно свершиться, свершается. Буря проносится, потому что ей положено пронестись». Гюго говорил о Конвенте, как о творце прогресса, как о «кульминационном пункте истории», как о «новой великой странице, на которой начало свои записи будущее». Из всех историков этой революции Гюго более всего приближается к Жюльо Мишле: подобно ему он превозносит ум, отвагу и гуманность народа, активного участника революции (поистине замечательны в этом отношении полные реализма страницы романа, посвященные батальону Красной шапки и сержанту Радубу); подобно же Мишле, Гюго отдает наибольшие свои симпатии из деятелей революции — Дантону и подобно ему недооценивает историческую роль Робеспьера и Марата. Хотя гражданская, «братоубийственная» война ужасала поэта, но, с болью говоря о жестоком терроре, применявшемся обеими борющимися сторонами, Гюго считал, что революционный террор имел свое оправдание, так как служил историческому прогрессу. «Углубляя и очищая революцию, Конвент попутно двигал и цивили-

зацию,— пишет поэт.— Он не только был горнилом, но и кузницей. В этом котле, где клочкотал кипящий террор, отлагался прогресс».

Но так как после Парижской Коммуны буйствовал реакционный террор, версальский белый террор новых — главным образом, бонапартистских — Лантенаков, подавивших Коммуну при помощи темных, религиозных бретонских солдат и получавших поддержку уже не от Англии, а от Бисмарка, Гюго снова, как и в 1848 году, противопоставил в этом романе «республику милосердия» — «республике террора». Теперь, в разгар версальского террора, требование «республики милосердия» становилось формой борьбы за амнистию для коммунаров.

Всем своим романом Гюго страстно доказывал, что Третьей республике не пристало идти путями вандейского террора. Она — потомок революции XVIII века. Он убеждал, что если Конвент вынужден был прибегать к террору для защиты своего прогрессивного дела, то ведь Конвент пламенно защищал родину от поддерживаемой Англией контрреволюции и не мог поступать иначе в суровые времена гражданской войны, когда «жалость могла оказаться одною из форм измены». Но теперь гражданской войны больше нет. Третья республика, по мысли Гюго, должна быть республикой милосердия, если она желает блага родине. «Амнистия — самое прекрасное слово, когда-либо произнесенное на человеческом языке!», — восклицал в этом романе Гюго.

Во всех своих выступлениях 70-х годов Гюго неизменно ратовал за амнистию. Он настойчиво пытался разбудить человеческие чувства в тех «левых» буржуазных парламентариях, которые, соглашаясь с тем, что амнистировать коммунаров, пожалуй, и пора, затем, как писал видевший их Салтыков-Щедрин, наставительно поднимали палец и говорили: *Mais!*¹. Это упрямое, тупое, трусливое, безжалостное буржуазно-обывательское «*Mais!*» было той стеной, которую удалось пробить только самому французскому пролетариату, неутомимо требовавшему амнистии.

Вчерашние бойцы Коммуны, рассеявшиеся по разным центрам эмиграции, томившиеся в ссылке или на каторге, семьи и сироты этих бойцов, народный лагерь были полны горячей и глубокой благодарности автору «Отверженных».

У французских буржуазных биографов Гюго имеется тенденция говорить об отходе поэта от всяких общественных и политических интересов в последние годы жизни. Это неверно: до конца своих дней поэт не переставал быть борцом. Нельзя не упомянуть добрым словом его заступничества за нескольких русских революционеров: в 1880 году Гюго настоял, чтобы французское правительство не выдавало царизму народовольца

---

¹ Mais — но (франц).

Льва Гартмана, а в 1882 году он выступил с энергичным протестом против судебной расправы Александра III с рядом русских революционеров и спас жизнь девятерым приговоренным к смертной казни¹. До конца своих дней продолжал Гюго бороться против европейских монархов и монархистов всех мастей, против буржуазных реакционеров, против религиозного фанатизма, против католической церкви, против Ватикана. И до конца своих дней он был осыпая проклятиями и ругательствами реакционного лагеря.

* * *

Когда Гюго умер, французский народ широко засвидетельствовал свою любовь к поэту. Правда, в народном лагере раздавались отдельные недовольные голоса некоторых коммунаров, то порицавшие позицию Гюго во время Коммуны, то нападавшие на слабые стороны мировоззрения и деятельности поэта; в атмосфере этого недовольства родился памфлет Лафарга «Легенда о Викторе Гюго», в котором критик нарочито подчеркивал заблуждения Гюго и характеризовал его как буржуазного поэта. Но народная масса высоко оценила деятельность Гюго как писателя-революционера, борца за республику, как гуманиста-демократа и верного друга обездоленных. Над гробом поэта народный лагерь дал бой тем буржуазно-помещичьим реакционерам, бонапартистскому отребью и всем агентам и прислужникам Ватикана, которые пытались протестовать против решения правительства устроить национальные похороны поэта, и притом не церковные, а гражданские.

Стремление народа защищать дорогое имя Гюго особенно выказалось по одному частному поводу. Французская Академия вознамерилась было делегировать для произнесения речи на могиле Гюго своего президента Максима дю Кана, автора иступленно-клеветнической книги о Коммуне и коммунарах. Демократическая печать пришла в негодование.

«Если днощик на побежденных коммунаров возьмет слово на могиле апостола амнистии, будет скандал», — писала газета «Париж».

«У г-на дю Кана имеются все возможные основания, чтобы помолчать, и лучшее из этих оснований то, что он был одним из наиболее заклятых врагов амнистии», — писала газета «Пароль».

В газете «Батай» Лиссагарэ решительно заявил: «Мы желаем и требуем, чтобы похороны Виктора Гюго были теми, которые приличествуют величайшему поэтическому гению

---

¹ Он спас жизнь народовольцам: Фроленко, Михайлову, Колодкевичу, Исаеву, Емельянову, Лангасу, Тетерке, Лебедевой и Якимовой; казнь им была заменена заключением в Шлиссельбурге. Большинство из них в Шлиссельбурге и погибли; до Великой Октябрьской революции дожили только Фроленко и Якимова.

современной Франции, а потому предупреждаем устроителей похорон: мы не позволим говорить на кладбище Пер-Лашез наглому клеветнику Коммуны, Максиму дю Кану, самому крупному из палачей Парижа, после Тьера и Мак-Магона. А если он попробует, мы силой зажмем ему рот»¹.

Впрочем, не прошло и двух лет, как реакционеры взяли реванш. Ромен Роллан писал, что в 1887 году он как бы вторично хоронил Гюго, присутствуя на том позорном заседании французской Академии наук, где в речи Александра Дюма-сына, полной выпадов против Гюго, излилась «накапливавшаяся годами злоба против умершего»². С тех пор, в эпоху империализма, «хорошим тоном» для французской буржуазной науки и литературы — особенно в современной маршаллизованной Франции — стало обливать грязью великого поэта, оплевывать всю его преданную интересам родины и народа литературно-общественную деятельность.

Из статьи Ж. Коньо, напечатанной в «Правде», советские люди, так любящие творчество Гюго, узнали, что современное французское «правительство национальной измены» решило не отмечать 150-летний юбилей одного из величайших французских писателей: «Оно не предусмотрело в бюджете ни малейших кредитов для этой цели»³.

Случайность ли это? Нет, конечно. Старая ненависть реакции к Гюго лишь вырастает и обостряется у современной французской космополитической буржуазии, продавшей американо-английскому империализму. Для этой реакционнейшей буржуазии Гюго враждебен как демократ, как неустанный поборник мира, как поэт-патриот, как великий национальный писатель.

Но те самые причины, по которым империалистическая реакция ненавидит Гюго, только усиливают уважение французского народа к своему любимому писателю. Народным участникам героического Сопrotивления еще памятливы огненные слова Гюго, призывавшие их, как в 1870 году, к неумолимой войне с гитлеровскими захватчиками. Десяти миллионам французов, голосовавших за мир, особенно близок Виктор Гюго, страстный враг захватнических войн и поборник демократического мира.

Ж. Коньо пишет: «Народ ценит в лице Виктора Гюго человека, который на протяжении 35 лет, начиная с 1850 года до самой смерти, боролся против реакционной диктатуры, против удушения демократических свобод, против грубой, лицемерной и эгонистической реакции, против бонапартов, против галифе — палачей Коммуны, против макмагонов — врагов свободы, — политических предков петэнов и де голлей. Народ ценит в лице Виктора Гюго борца, вынужденного покинуть родину в годы

¹ «Victor Hugo devant l'opinion», pp. 329—333. P. 1886.

² Р. Роллан. Спутники, стр. 238—239. М. 1938.

³ «Правда» № 57 от 26 февраля 1952 года.

второй империи, поборника амнистии коммунаров после 1871 года, демократа... в сердце трудового народа Франции, в сознании миллионов простых людей, борющихся за мир, живет и будет жить лучшее, что есть в наследии великого поэта и трибуна: его демократизм, его симпатии к угнетенным и эксплуатируемым, его приверженность делу социального прогресса, его вера в человека, его любовь к национальной независимости, его преданность делу мира. Наследие Виктора Гюго будет и впредь служить силам прогресса, борющимся против империализма»¹.

Вдохновляемый народом, революционным движением, Виктор Гюго воспевал все чистое, прекрасное и героическое, что свойственно человеку и что писатели империалистической реакции подменили ныне воспеванием преступности, грязи и гнили. Творчество Гюго, по справедливой оценке Вайяна-Кутюрье, полно «здоровья, благородства, революционного чувства и жаркой любви к народу»². Гюго был и остается певцом демократии и свободы, жизни и радости, певцом любви к человеку и к его творческому труду, верным другом народа, убежденным сторонником независимости и свободы народов, расцвета их национальной культуры. Гюго боролся против всякой реакции, предательства, корысти, угнетения и эксплуатации человека человеком. Он выступал как страстный враг несправедливых, захватнических империалистических войн. Вот почему Виктор Гюго любим не только французскими народными массами, но и всем прогрессивным и миролюбивым человечеством.

---

¹ «Правда» № 57 от 26 февраля 1952 года.

² «Commune» № 21 за 1935 год.

Редактор — кандидат филологических наук **Л. Н. ФОМЕНКО.**

А-01810.   Подп. к печ. 9/II 1953 г.   Изд. № 55.   Тираж 41.000 экз.
(100.001—141.000 экз.)

Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 1 б. л. = 2 п. л.   Уч.-изд. 2,3 л.   Заказ № 455.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 45 коп.